

УДК 94(47) «19» (082)

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-50-59

EDN: RXIPCI

Э. А. ВОРОБЬЕВА

Новосибирский государственный
технический университет,
г. Новосибирск

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА АЛТАЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ С. В. САЗАНОВА

Предлагаемые в статье эпизоды из воспоминаний Сергея Васильевича Сазанова относятся к 1918–1921 годам, освещая подробности жизни мемуариста на Алтае в годы Гражданской войны. Представленный «эго-документ» раскрывает повседневность Гражданской войны, данную через призму восприятия рядового участника событий, в данном случае — крестьянина-отходника Тамбовской губернии. Мемуары С. В. Сазанова ценные тем, что показывают трансформацию обычного, гражданско-человека в условиях военных действий. Выбор одной из противоборствующих сторон (во многом вынужденный), проявление человеческих качеств в условиях экстремальных обстоятельств, переплетение бытового, повседневного (работа для семьи) и чрезвычайного (прибытие карательного отряда, угроза расстрела и т. д.) — вот содержание представленных эпизодов из мемуаров. Все это делает данные материалы содержательным историческим источником; их публикация может помочь разработке тех пластов исторической проблематики, которые ранее детально не рассматривались историографией. Публикация мемуаров предваряется вступительной статьей, в которой представлен обзор биографии С. В. Сазанова и раскрывается ценность его записок для военной антропологии.

Ключевые слова: Гражданская война, военная антропология, Белое движение, партизанство, эго-документы, мемуары.

Период Гражданской войны в России вот уже столетие находится в фокусе внимания исследований. По подсчетам историка В. И. Голдина, за прошедший период общее число изданных книг по данной теме превысило 30 тысяч, включая фундаментальные труды и академические издания [1, с. 765]. В современной историографии одной из ведущих стала тенденция осмысливать Гражданскую войну как драму и трагедию российского общества. В связи с этим специалисты стали активно обращаться к ее невоенным аспектам (поведение и выживание человека в ходе Гражданской войны, история быта и повседневности и т. д.). В настоящее время особенно активно идет обращение к эго-документам — воспоминаниям и дневникам участников событий, в том числе «незнаменитых», рядовых. Таков пример записок Сергея Васильевича Сазанова.

Он родился в 1881 году в селе Большое Шереметьево Тамбовской губернии. Отец мемуариста, как и большинство крестьян данного села, занимался отходным промыслом (работал каменщиком). К этой работе он привлек и сына. Работая в ка-

честве крестьянина-отходника, Сергей Васильевич объездил половину Российской империи, жил и работал в Царицыне, Дербенте, Новороссийске, Тифлисе, Чите. В 1902 г. С. В. Сазанов женился, в 1903 г. переехал в Маньчжурию, где работал на строительстве. В 1905 г. вернулся в Читу, в октябре 1905 г. уехал в родное село. Однако в ходе революционных событий 1905–1907 гг. семья С. В. Сазанова была признана неблагонадежной, вследствие чего им было предложено выехать в Сибирь.

С марта 1907 г. С. В. Сазанов с родителями, женой и детьми обосновался в поселке Зимовской Томской губернии. Таежный поселок не понравился Сергею Васильевичу, и из него он неоднократно выезжал на сезонные работы в Читу и Сретенск (рис. 1). В 1915 г. С. В. Сазанов был призван в армию, находился на разных участках фронта (под Брянском, Минском, в Пинских болотах), а также в Москве, Петрограде, Туркестане [2, с. 123–136].

В октябре 1917 г. Сергей Васильевич активно участвовал в восстании в Ташкенте, которое привело к установлению в Туркестане советской власти. Примечательно, что на тот момент мемуарист

Рис. 1. Фото Сазанова с семьей. На фото С. В. Сазанов, его жена Анна Федоровна, стоит дочь Пана (1905 г.р.), сидит дочь Маруся (1906 г.р.), на коленях дочь Надя (1911 г.р., умерла в том же году). Фото 1911 г.

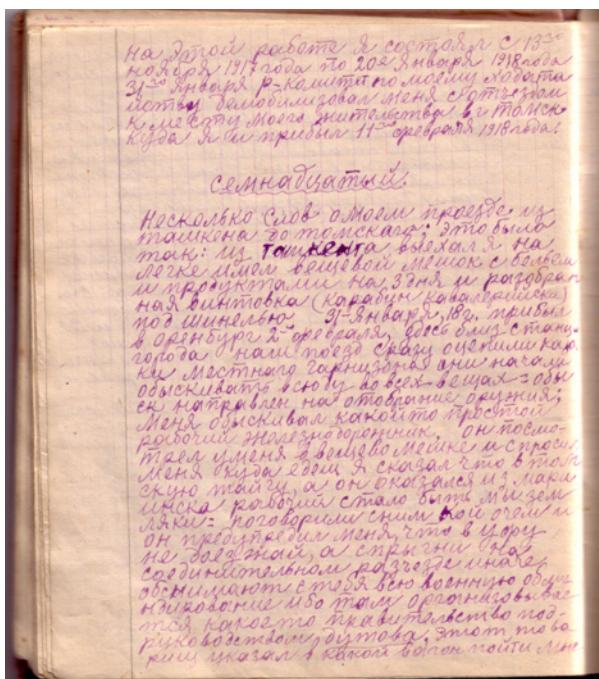

Рис. 2. Фото одной из страниц рукописи.
Начало 17-го эпизода

не принадлежал ни к одной политической партии. Восстание, которое представляло собой, по сути, «солдатскую революцию», закончилось победой революционных сил. Характерно, что строить «новый прекрасный мир» Сергей Васильевич не остался, а демобилизовался и вернулся в поселок Зимовской [3, с. 57–61].

В июне 1918 г. Сазанов вместе с семьей перебрался на Алтай, в село Верх-Ануйское, где в итоге принял участие в борьбе с Белым движением. В 1919 г. Сергей Васильевич был арестован колчаковской контрразведкой, но сумел спастись. После установления советской власти на Алтае Сергей Васильевич был делегатом Бийского уездного съезда Советов, а также членом земельной коллегии.

Примечательно, что только в феврале 1920 г. С. В. Сазанов вступил в РКП(б), в 1920-е гг. возглав-

лял комитеты бедноты, занимался ликвидацией неграмотности, а также организацией сельхозартелей в волостях Верх-Ануйской, Ануйской, Паутовской, Сычевской. Также С. В. Сазанов занимался организацией строительства или восстановлением заводов в селах Алтайской губернии (маслодельного завода в Верх-Ануйском, лесопильного, мукомольного и кожевенного заводов в Быстром Истоке), реконструировал водяную мельницу в Николаевке. В 1930 г. принял участие в коллективизации, но не подчинился решению Усть-Ануйского районного комитета партии, за что на год был исключен из партии.

В 1932 г. организовал и руководил кролиководческой фермой в селе Барышово, с 1934 г. работал заместителем директора совхоза Суртаиха, а также параллельно в Кисилевском поселковом Совете, позже Кисилевском городском Совете, заведовал строительством предприятий, дорог, работой промкомбината и комбината пищевой промышленности. В августе 1941 г. был осужден по 190 ст. УК РСФСР, предусматривавшей привлечение к ответственности за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Отбывал в заключении чуть меньше двух лет. После освобождения 7 лет проработал в МТС [2, с. 137–141].

Несмотря на то, что все образование С. В. Сазанова составило 7 месяцев церковно-приходской школы, в течение своей жизни он вел дневниковые записи, на основе которых в начале 1960-х гг. написал воспоминания. Записки носят общее название «Краткая биография Сазанова Сергея Васильевича» и разбиты на три группы: биографические сведения с 1881 г. по 1943 г., «Некоторые эпизоды из моей прошлой жизни и работы (1895–1932)», биографические сведения с 1933 г. по 1950 г.

В данной публикации представлены эпизоды из воспоминаний С. В. Сазанова («Некоторые эпизоды из моей прошлой жизни и работы (1895–1932)», эпизоды с 17 по 29), посвященные Гражданской войне (рис. 2). С февраля по май 1918 г. автор провел фактически в разъездах (от Оренбурга до поселка Зимовской Томской губернии, затем на Алтай, до села Верх-Ануйского, затем обратно в поселок Зимовской, затем снова в село Верх-Ануйское, уже вместе с семьей). С июня 1918 г. мемуарист с семьей жил в селе Верх-Ануйском Алтайской губернии, участвовал в событиях, связанных с противостоянием Белого и большевистского движений. Драматические эпизоды этой борьбы освещены на страницах публикуемых воспоминаний.

Несмотря на обширную историографию Гражданской войны, в том числе новейшие исследования, среди которых можно выделить ряд монографий и сборников, изданных по итогам международных конференций [4–7], мемуары С. В. Сазанова представляют несомненную ценность, раскрывая те самые «невоенные аспекты» (повседневность, поведение и выживание человека в условиях войны), о которых писал историк В. И. Годин.

Во взгляде С. В. Сазанова на события войны поражает будничность восприятия. К примеру, он не захотел оставаться в поселке Зимовском и переехал с семьей на Алтай — и это все в условиях смены власти и сопровождавших ее боев. На новом месте мемуарист примкнул к большевикам — не столько сознательно, сколько вынужденно, потому что вся окружающая обстановка к этому подталкивала.

Поражают эпизоды спасения от расправы: в одном случае встретил рабочего из Мариинска («стало быть, мы земляки»), тот провел Сазанова мимо казаков; в другой раз, сидя под арестом вместе с другими как большевик, приходили сотрудники белой контрразведки, хотели расстрелять, но «охраняли нас быстроистокские дружинники — крестьяне, товарищи», и они просто не дали.

Одни из самых драматичных эпизодов — столкновение Сазанова с командиром карательного отряда Серебрянниковым. В первом случае мемуаристу удалось заставить Серебрянникова увести отряд из села, во втором — освободить членов волостного управления, которых тот собирался расстрелять.

Публикуемые воспоминания особенно ценные с точки зрения военной антропологии. Последнее время историки активно обращаются к данной проблематике [8, 9]. Внимание исследователей теперь концентрируется на культурных и социальных аспектах войны как исторического феномена. Авторитетный эксперт в этой области Е. С. Сенявская отмечает, что применяемый военной антропологией комплексный подход позволил выйти на новый уровень знаний о человеке, раскрыть мысли, чувства, механизмы поведения людей в экстремальных военных условиях, комплексно изучать «человеческий ракурс» войны, включая ценностный и социокультурный аспекты. По мнению Е. С. Сенявской, без учета «человеческого измерения» войн невозможно адекватное научное осмысление новейшей отечественной истории, а также применение исторического опыта в современных условиях [9]. В этой связи введение в научный оборот эго-документов для изучения военно-революционного периода — одна из ключевых задач академического сообщества историков в настоящее время, что подтверждается итогами работы авторитетных исторических форумов.

Воспоминания С. В. Сазанова, описывающие уникальные эпизоды повседневности, могут дополнить видение истории Гражданской войны, способствовать более глубокому ее осмыслинию.

Мемуары записаны в тетради в клетку фиолетовыми чернилами и хранятся у внучки С. В. Сазанова, Татьяны Александровны Сазановой (проживает в городе Томске), публикация проводится с согласия родственников. Воспоминания приводятся с сохранением авторской орфографии; очевидные ошибки исправлены по умолчанию. Пунктуация, сокращенные слова, пропуски буквы оформлены в традициях отечественной археографии. Воспроизведены авторские подчеркивания слов и особенности их написания (кроме букв в начале предложения и в названиях населенных пунктов, все буквы в начале предложения и в названиях населенных пунктов даются как прописные). Опущены зачеркивания букв (очень редки и не меняют смысл текста).

Семнадцатый [эпизод]

Несколько слов о моем проезде из Ташкен[т]а до Томска; это было так: из Ташкента выехал я на легке, имел вещевой мешок с бельем и продуктами на 3 дня и разобранная винтовка (карабин кавалерийский[й]) под шинелью 31 января, [19]18 г. Прибыл в Оренбург 2 февраля, здесь близ станции [у] города наш поезд сразу оцепили казаки местного гарнизона, они начали обыскивать всюду во всех вещах: обыск направлен на отобрание оружия; меня обыскивал какой-то простой рабочий железнодорожник, он посмотрел у меня в вещевом мешке и спросил меня «куда едешь?». Я сказал, что

в томскую тайгу, а он оказался из Мариинска рабочий, стало быть мы земляки: поговорили с ним кой о чем и он предупредил меня, что в Уфу не доезжай, а спрыгни на соединительном разъезде, иначе обснимают с тебя всю военную обмундирование, ибо там организовывается какое-то правительство под руководством Дутова¹. Этот товарищ указал в какой вагон пойти мне, и я свободно прошел туда, причем он вел меня якобы под конвоем. Из Оренбурга поезд вышел ночью в 12 час[ов], до главной магистрали сибирской мы ехали три дня, а ночью поезд не шел. На ст[анции] Кинель (это на сибирской линии), я пересел в воинский эшелон, который вез половина эшелона раненых и больных в Томск, вот я с ним и проехал без всяких приключений как больной.

Не доезжая г[орода] Челябинска мне удалось хотя на буферах пересесть на пассажирский поезд, на котором я и доехал до ст[анции] Тайга. Из с[танции] Тайга я не поехал в Томск, а прямо с попутчиками на конях через села Колыон, Старо-Кусково за Чулым, и в свою деревню Зимовское, где и прожил до апреля м[есяца] [19]18 года.

Восемнадцатый [эпизод]

Поселок Зимовской² самый таежный, жизнь в нем мне не понравилась, и я решил уехать оттуда, и я решил сперва без семьи посмотреть места, где понравится. Из Зимовского я вышел 3 апреля [19]18 г[ода], через г[ород] Томск добрался до г[орода] Бийска. В Бийске в это время хотя и существовала советская власть, но имелось какое-то брожение; в то время для меня было малопонятно, я решил добраться до села Верх[-]Ануйское³, теперь Быстроистокского района Алтайский край; там жил мой сослуживец Рагозин Андрей Тимофеевич, крестьянин средней руки. Посоветовавшись с ним я решил устроиться на жительство в Верх[-]Ануйское.

В Верх-Ануйске я пробыл без семьи с 13-го по 24-е апреля [19]18 года, а 24 ушел в Быстроисток⁴, и в этот же день я с первым пароходом выехал до Новосибирск[а] (тогда он еще был Новониколаевск), с Новониколаевска поездом до Томска (в это время пароходы не ходили ниже, так как там еще стоял лед). В Томск я приехал 28 апреля, а из Томск[а] с попутчиком (возчиком из Баюровки) выехал в Зимовской, куда пришел я 5 мая (это все старого стиля), в Зимовском пробыл я три дня, собрал свою семью: жену и троих детей⁵, выехал в Баюровку ближе к р[еке] Чулыму, решил ехать пароходом до Томска или до Новониколаевска.

В это время река Чулым была полноводная, и пароход с баранами доходил до этого места «плодбище»⁶, здесь я с семьей на берегу пробыл 7 дней в ожидании парохода, который пришел 20-го мая. Нагрузили баржу лесом-шпалами и поплыли в Томск. В Томск прибыли мы 24 мая, а из Томска выехали в Бийск по железной дороге, из Бийска на пароходе по Оби до Быстроистока⁷, а затем на подводе до Верх[-]Ануйска, сюда мы прибыли 2-го июня, вот с этого времени началась моя жизнь в деревне среди крестьян.

Девятнадцатый [эпизод]

Несколько слов о том времени, в которое я с семьей переезжал: при приходе парохода к нам на плодбище мы стали расспрашивать рабочих матросов, а их было на пароходе трое (пароход буксир) о порядках в Томске, то они заявили, что они нагрузят баржу шпалами, а сами не поедут в Томск, так как в Томске идет война, и непонятно, кто кого

победит: (воюют большевики с белогвардейцами), с этими рабочими остался водолив с баржи и помощник капитана, они были в подозрении у белогвардейцев. В пути к Томску при входе в р[еку] Томь нас встретил патрульный катерок, и к нам на пароход взошёл белогвардейский офицер, прaporщик и трое юнкеров, начали производить обыск нету ли военного оружия, осмотрели всюду, ничего не обнаружили, ушли на свой катер и нас не останавливали. По прибытию в Томск на пристани так же обыскивали нас и дали мне пропуск на станцию. В это время было видно, что город находится в руках белогвардейцев⁸. По приезду на ст[анцию] Тайга [я увидел, что] здесь рабочие еще держались вооруженном порядке, удерживая наступающих из Томска белогвардейские отряды юнкеров и купеческих сыновков, которые были километров в 20 от станции Тайга. Поезд наш пропустили скоро, не задерживали, и также в Новониколаевске мы проехали без задержание до самого Бийска; беседуя в вагоне с пассажирами я выяснял положение дела, что этот захват власти временным правительством Колчака⁹ только в Сибири, а за Уралом в России стоит власть Советов — большевитская и оттудова предлагают вести борьбу всенародную против Колчака.

По приезде в Бийск здесь тоже было видно, что готовится переворот и тайно организуются боевые отряды из гимназистов и купчиков-кулаков, а на станции всюду дежурили красногвардейцы. Из Бийска я с семьей выехал на пароходе по р[еке] Оби до Быстроистока; это было числа 18-го июня 1918 года, проехали без особых приключений.

Двадцатый [эпизод]

В Верх[-]Ануйске (село большое кулацкое, здесь были даже купцы 2-й гильдии Корольковы, Андреевы) я с семьей устроился на квартиру [к] своему сослуживцу Рагозину Андрею Тимофеевичу, а работать пришлось у ремесленника Тетерина Федора Федоровича в мастерской. Этот Тетерин принадлежал к монархистам, он никак не мыслил, чтобы Россия была без монарха-царя, а поэтому он считал победу Колчака обязательной[й] и участвовал в сбore золотой валюты в помощь Колчаку. Тетерин впоследствии в [19]19 году стал агентом в колчаковской контрразведке. Тетерин имел кроме меня работника австрийца Якова, пленного, причем Тетерин, как кузнец мастер работал и сам; он был не старый, а ровесник мне. За работу брал он с лихвой. Я проработал у Тетерина до февраля 1919 года, а затем приступил к работе у братьев Андреевых, с начала у Ивана Степановича; а потом у Федора Степановича по выделке и оборудованию нового деревянного дома, здесь я проработал до 1-го сентября 1919 года. Кто такие Андреевы и Корольковы, Алексеевы? Это скupщики скота в Монголии, это те, которые перекупали скот у монгольских баев-кулаков и перегоняли этот скот через Бийск на восток; при помощи бедняков пастухов скотогонон, которые работали у них годами и всегда были в долгу.

Двадцать первый [эпизод]

Село Верх[-]Ануйское большое 800 дворов (как тихое болото): две церкви, два попа и две трехклассные школы, в которых учились дети кулаков [—] всего 68 учеников в обоих школах¹⁰. Землевладельцами здесь были по существу кулаки и эти купцы; с[e]редняки имели земельный надел десятин по 5–15, а беднота получала земельные как бы отрезки у кулаков и купцов исполну¹¹ или в отработку¹², а такого специального земельного надела не было; вот пример: Корольковы имели три за-

имки¹³, пашни двести десятин да покосной 110 десятин, а ихних 12 человек работников скотогоны имели 37 десятин пашни вместе с покосами; также и со скотом: кулаки имели по 30 коров дойных и по 30 лошадей[й] рабочих, а бедняки по одной и тех нечем кормить, вот они и не выходили из кабалы у кулаков и купцов.

Двадцать второй [эпизод]

В июле [19]18 года по Бийскому уезду воцарилась колчаковская власть¹⁴, начали действовать старосты, старшины, начальники полиции и местами колчаковская контрразведка; началось жестокое преследование большевиков и им сочувствующим, в селах начались аресты, допросы, кулачье подняли головы и смелей начали нажимать на бедноту и батраков. Попы в церквях начали провозглашать здравицу и многолетие верховному правителю Сибири Колчаку и его воинству. В Бийске образовался штаб карательных отрядов из казаков и чехов у которых [было] задание: сломить и пресечь какое[-]либо движение против Колчака. Из сел и деревень начались скрытые побеги мужиков, примыкавших к большевикам. Пошел слух, что в горах Алтая собираются партизанские группы против колчаковской власти. Бийский карательный штаб Дроздова¹⁵ начал высыпать по селам своих разведчиков шпионов на слежку и завербовывал в селах активных кулаков в осведомители и через них выискивали большевиков. Конец [19]18 года

Запись на полях рукописи: В это время я работал плотником столяром как рабочий, и за мной установлена слежка; в Верх[-]Ануйске нас было 7 человек из бедноты и волостной писарь за большевитску[ю] власть, мы обо всем сообщали партизанам.

1919 год. Двадцать третий [эпизод]

Карательные отряды из Бийска начали выезжать в села примерно в июне, в те села, где проявляли непокорность к платежам податей, и там карали не только виновников в этом, а грабили имущество у кого можно и насиловали женщин и девушек. Из этих погромленных сел мужики повалили в партизаны не только бедняки, а и середняки, которые были ограбленные.

Партизаны начали вылавливать милиционеров, отбирали у них оружие, вылавливать начали мелкие вооруженные отряды карателей и отбирали у них оружие, и тем вооружались сами¹⁶. Вот такой пример. Некто Чемров Кузьма организовал отряд 25 конников в деревне Чемровке, это в горной местности, и начал делать внезапные налеты на стоянки карателей и отбивал у них оружие и патроны, передавал партизанам, а сам был неуловим; вот так началась борьба партизан против Колчака.

Запись на полях рукописи: январь март апрель июнь август

Двадцать четвертый [эпизод]

От Усть[-]Пристани¹⁷ до Большой Смоленки¹⁸ по 27 большой селениям организована демонстрация сельск[ого] населения [—] протест против карательства, против Колчака; крестьяне-демонстранты шли пешками и на подводах шли и ехали от села до села, призывали сельчан выступать с протестом против репрессий и карательных экспедиций¹⁹.

Эта демонстрация пришла к нам в село очень большая. Село Верх[-]Ануйское [—] село большое, около 1000 хозяйств.

Около церкви состоялся митинг, ораторы выступавшие, а это пострадавшие от карательных наездов, рассказывали о зверствах карателей, которые местами живьем хоронили людей, заподозренных

в большевизме, или вешали на воротных столбах людей не в чем не повинных, а только указанных кулаками, что эт[о] большевик. Демонстрация прошлась до деревни Малой Смоленки²⁰, а там предупредили разведчики, что в Большой Смоленки устроена полицейская карательская засада, которая будет стрелять в народ и арестовывать.

Запись на полях рукописи: Август 18 старого стиля

Двадцать пятый [эпизод]

Запись на полях: Сентябрь 5-го

В село Верх[-]Ануй[й]ское нагрянул карательный отряд из г[орода] Бийска, конников 200 под командованием прaporщика Серебрянникова²¹ (это сын бийского купца), который сообщил старосте села, что если обнаружится хоть один вооруженный человек на улице села, то отряд сожжёт все село.

Причем село Верхануйское было волостное село, и здесь был волостной комитет²², который состоял из 5 человек.

Комитет вынес решение сдаться без боя, так как какое оружие было [—] его сдали партизанам в Алтай тырышенскому полку с теми людьми, которые ушли к партизанам (а ушло 28 человек).

И вот карательный отряд нагрянул к поскотине²³ села, где их встретил сторож старик у закрытых ворот поскотины.

Вот этот старичок, как мужественный Сусанин, заявил им, что у нас в селе нету ни партизан, ни вооруженных людей, а поэтому отряду здесь нечего делать, пусть проезжаю[т] мимо поскотины на казачью с[таницу] Терское²⁴. За это выступление старичка здесь же у ворот зарубили насмерть.

Отряд ворвался в село, и в селе, также в улице, зарубили плотника за то, что он был в красной рубашке и не согласился снять ее на улице; и еще зарубили старика, ехавшего им навстречу и не своротившего лошадь в сторону; и еще зарубили двух братьев, стоявших у своих ворот и не согласились пустить во двор грушу верховых на ночлег.

Перед приездом этого карательного отряда мы (группа сочувствующих большевикам и советской власти) решили уговорить Серебрянникова, чтобы отряд не остался ночевать в нашем селе (так как кулачье и купцы Корольковы, Андреевы и Алексеевы составили список на лиц якобы большевиков на 120 человек, но из них не успели скрыться никто). Поручили договориться мне.

Полусотенный отряд проехал мимо окна моего домика, во главе которого ехал командир Серебрянников.

Я решился пойти вслед за ними в волостноеправление, куда они направились. Вот здесь разыгралась домашня[я] семейная сцена, жинка и дети стали в дверях хаты [и] непускают меня; говорят и просят меня: «папа не ходи, тебя убьют»; женко стала на колени и, указывая на 4-х детей, говорила: «на кого ты оставляешь[ь] их?» Что делать? Думал одну минуту, и решил выполнит[ь] поручение, ведь если мне не уговорить командира отряда, то из 120 товарищей согласно кулацкого списка могут погибнуть хотя не все, а многие, и сколько же останется сирот, а в том же числе и мои 4 сироты, потому что я состоял первым в списке и первым бы пошел в бой. Я поце[ло]вал жену и детей и сказал им в утешение, что меня не убьют, товарищи не дадут, и выбежал на улицу, побежал вправление волости. В правлении Серебрянников давал распоряжение председателю комитета выставить 200 подвод к волости самых лучших. После этого Серебрянников

взял список, который дал ему казак Матюшкин (он из Терской станицы, известный пьяница) и тут же доложил, что уже двоих братьев большевиков лично зарубил.

В это время я подошел к Серебрянникову и заявил, что отряду здесь ночевать не следует, потому что казаки перепьются самогонки, а ее здесь много варят, и тогда может быть возникнуть кровавый бой, а победителем будут здешние мужики, так как [их] тысяча. Серебрянников не спросил меня, кто я есть, а сразу дал распоряжение по коням и в Терскую казачью станицу, и уехали; ну тут окружили меня товарищи, подняли на руки, начали качать²⁵.

Двадцать шестой [эпизод]

6 сентября 1919 года с[ело] Верх[-]Ануйское

Утром ко мне на квартиру пришли жены членов волостного комитета и заявили, что я обязан спасти комитетчиков от карателей, а [я] вовсе не знал об их аресте; арест произведен был ночью, жены плакали, предъявляли обвинение мне. Я пошел с ними в волостноеправление, здесь оказалось, что староста выполнял приказ Серебрянникова, действительно выставил двести парных подвод; подводами занята [была] вся площадь перед зданиемправления. Тут я, посоветовавшись с товарищами, решил поехать в с[ело] Терское к Серебрянникову заявить протест и просить его об освобождении комитетчиков и о роспуске подвод. Возчиком мне вызвался молодой боевой парень Заложенский (у которого отец был в партизанах); подъехали мы к сельской [неразб.], здесь был Серебрянников, он принял меня и спросил, что мне надо. Я от имени общества заявил ему протест за арест комитетчиков и за выставление 200 подвод. Серебрянников заявил: подводы не нужны, пусть распустят, комитетчики большевики и решил он казнить их на площади перед народом. Я запротестовал ему и заявил, что большевиками [они] не могут быть, так как они зажиточные крестьяне, имеют по 10 коней и по 6–12 дойных коров, а в комитет выбрали их обществом как честных людей и только; и они работали больше года, работали правильно, и общество довольно ими²⁶. Серебрянников вскочил со стула и грозно закричал на меня, ударил стэком²⁷ по столу, заявил: «как решил я, так и будет». Тут у меня не дрогнуло сердце, а почему[-]то поднялась к нему такая ненависть, что я еще ближе придвинулся к нему и так взглянул ему в глаза, что он заметно поколебался и опять сел на место; я же видя, что он смяк, еще ближе подвинулся к столу и у меня появился в голове план уничтожить его на месте его же оружием, так как передо мной на столе лежала сабля обнаженная окровавленная[я], наган и пироксилиновая шашка; все это оружие в моих руках, а у него только стэк. *Запись на полях рукописи:* Я был хотя солдат царской армии, но хорошо знаком, как владеть всяким оружием, но взяло благоразумие, мне надо спасти комитетчиков.

Вот он задал мне вопрос, что надо мне от него? Я заявил: «отпустите комитетчиков».

Серебрянников взял у меня бумажку, в которой значился протест общества и написал на ней распоряжение конвоиру отпустить комитетчиков; по получении этого распоряжения я выбежал на улицу (забыл поблагодарить его), в это время подъезжали три подводы, на которых везли наших комитетчиков под большим конвоям к месту казни; я остановил начальника конвоя и показал ему распоряжение. Он быстро согласился, и я с ними

повернули лошадей, помчались галопом в Верх[-]Ануйск[ое]²⁸.

Двадцать седьмой [эпизод]

сентябрь 1919 г. Верх[-]Ануйск

После этих карательных экспедиций начали организовывать охранные дружины, особенно в крупных селах, и в них, конечно, вступили более зажиточные люди и кулаки, а обязанность их была вылавливать партизан.

В нашем селе в дружине было около 200 человек, начальником этой дружины поставлен бывший приказчик купцов Корольковых. В половине сентября поступил приказ дружине арестовать лиц, подозрительных в большевизме, и арестованных отправлять в штаб контрразведки в с[ело] Быстроисток²⁹. Первая группу арестованных 11 человек 18 сентября повезли в штаб, сопровождаемые дружинниками из контрразведки, которые довезли их до увала³⁰, там и расстреляли их. Во вторую группу попал и я, арестованный тремя днями позднее этого расстрела; нас 14 человек повезли в штаб под конвоем нашей дружины и доставили нас всех живыми, 23 сентября загнали нас в здание кирпичное (бывший магазин), там я просидел 42 дня. За эти дни на бралось нас арестованных 52 человек действительно большевиков. Вот пример: Паутов Прокопий, его подвешивали над ямой (могилой), допытывались, что есть в селе Паутово³¹ большевики, и он не показал ни одного, и другие такие же! Но все же мы были неопытные партизаны того времени. Охраняли нас быстроистокские дружинники крестьяне товарищи, знали нас хорошо, передавали нам все новости; неоднократно члены контрразведки Жуков, Крохмалев и Вершинин (это палачи) подъезжали к нашему караулу ночью, требовали, чтоб открыли нашу камеру и вывели Паутова, Сазанова, Негерева, Викторова, Ключевского и некоторых других товарищей им на расправу, но караул (начальник караула Самсонов) не соглашался на это требование³²; 1-го ноября приехал какой-то чиновник из г[орода] Бийска, опросил нас, кто мы такие, и освободили нас. Это, конечно, не спроста, а потому что Красная армия основательно теснила колчаковскую армию от Урала, а партизаны громили карательные отряды в тылу, поэтому власть Колчака слабела, и местные колчаковские власти слабели, а некоторые воротили убегали в Монголию³³.

Двадцать восьмой [эпизод]

декабрь 1919 года с[ело] Верх[-]Ануй[ской]ское

Началась зима, слухи о действии Колчака стали проникать в села Алтая неважные, большинство крестьян бедняцкий слой полностью перешли на сторону партизан, казачество алтайское (опора Колчака) заколебалось и начало отступление в Монголию к генералу Унгерну³⁴. В результате получилось, что казаки Смоленской, Терской, Николаевской, Михайловской станиц³⁵ и кулачье, попы и бийские городские купцы (всего собралось их вместе с белоармейцами к горе Белый Бум по Чуйскому тракту до 10.000 человек) начали пожирать весь скот в окружающих алтайских населенных пунктах.

Двадцать девятый [эпизод]

январь 1920 год село Верх[-]Ануй[ской]ское

В начале января в г[ороде] Бийске был восстановлен уездный революционный комитет (уревком)³⁶. Затем по уезду организованы ревкмы, и снова началась жизнь советской власти, кулачье дрогнуло, началась конфискация имущества бежавших купцов кулаков, а в феврале 4-го я был утвержден

в партии коммунистов большевиков РКП. Мне было поручено организовывать ячейки коммунистов в селах В[ерх]-Ануйске, ст[анице] Тырышкиной, Сычевке, Паутовой, Николаевке³⁷. Эту работу [я] выполнил в феврале, марте и апреле, а в конце апреля и мае мне поручено было у[ездным]зем[ельным]отделом развернуть работу по посеву зерна в Верх[-]Ануй[ской]ске; но зерна семянного (пшеницы) не оказалось у бедноты, а кулаки скрыли. Посоветовавшись с бедно[той] и середн[яка]ми мы решили засеять целинную землю в поскотине 1800 десятин просом, семенную просо получили мы от государства. Вот урожай получился такой, что все удивлялись [—] по 350-400 пудов с десятины; для бедноты я добился в обществе выделить участок в 200 десятин и вспахали, посеяли [с] помощью, так как у многих бедняков не было коней и плугов; также произвели и уборку урожая; с этого урожая продразверстку выполнили сверх нормы и без всяких препятствий.

В Верх[-]Ануй[ской]ске в апреле этого года организовалась ячейка коммунистов большевиков из трех человек, в которой состояли я, Рогозин и Камаев. В ячейку записались в качестве сочувствующих 47 челов[ек] бедняки [и] середняки. С этого времени работа началась лучше нашего сельревкома³⁸: стали вылавливать кулачье, которые уничтожали свое имущество, скот и хлеб, начали обнаруживать ямы, засыпанные зерном, [которое] скрывали от продразверстки, начали высыпать кулацкие семьи, согласно решению прокуратуры и суда.

К концу 20 года мы перевели в партию из сочувствующих 27 человек, и наша ячейка 30 человек стала в Бийском округе самой большой и образцовой по всем заданиям. В июле 20 года мы организовали ячейку комсомола из 16 человек, и вот комсомольцы помогали нам в работе очень хорошо, комсомольцы организовали: кружок рукodelья (это девушки), кружок хоровой, кружок драматический и сами стали составлять одноактные пьесы на тему партизанского движения. Чуть ли не каждый вечер проводились собрания с разъяснительными вопросами, для того где бы можно было проводить всю эту работу они заняли бывший магазин Андреева Федора Степановича и в нем устроили народом³⁹, который стал очагом культуры.

Примечания

¹ Дутов Александр Ильич (1879–1921) — российский военачальник, казачий атаман, генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны. С сентября 1917 г. — атаман Оренбургского казачества. В ноябре 1917 г. поднял в Оренбурге антибольшевистский мятеж. Кроме Оренбурга, отряды Дутова (около 7000) захватили Челябинск, Троицк, Верхнеуральск. В мае 1918 г. Дутов присоединился к Чехословацкому мятежу, впоследствии служил в армии адмирала Колчака. В сентябре 1919 г. Оренбургская армия Дутова была разбита РККА под Актюбинском. Застрелен в Урге agentами ВЧК.

² Имеется в виду поселок Зимовский (Зимовской) на реке Чичкаюл, Зырянская волость, Мариинский уезд, Томская губерния. Согласно статистическому справочнику [8, с. 438] в 1911 г. в поселке было 38 дворов. С. В. Сазанов вместе с отцом в годы Первой русской революции был признан неблагонадежным, и им было предложено выехать на жительство в Сибирь под видом добровольных переселенцев. Таким образом, Зимовской был для автора чем-то вроде ссылки. Сазанов писал в своих мемуарах, что Зимовской «чрезвычайно глухое место», летом сильный гнус, зимой «47–50 градусов

мороз», а в поселок попали «по неопытности нашего отца», который выбрал «гнилое глухое место» [2, с. 132].

³ Село Верх-Ануйское Верх-Ануйской волости Бийского уезда Томской губернии. Ныне относится к Быстроистокскому району Алтайского края РФ.

⁴ Имеется в виду село Быстрый Исток Верх-Ануйской волости Бийского уезда Томской губернии. Ныне относится к Быстроистокскому району Алтайского края РФ.

⁵ На этот момент у С. В. Сазанова в живых было трое детей: дочь Пана (1905 г.р.), дочь Маруся (1906 г.р.), сын Александр (1915 г.р.). Еще несколько детей умерло во младенчестве. В 1919 г., уже в Верх-Ануйском, у С. В. Сазанова родился сын Михаил.

⁶ Плотбище — место вязки брёвен в плоты на берегу реки, пристань плотов для лесосплава.

⁷ Быстрый Исток, см. комментарий 4.

⁸ Советская власть установилась в Томске 6 декабря 1917 г. Однако в мае 1918 г., в ходе антибольшевистского восстания, власть перешла к Западно-Сибирскому комисариату (ЗСК) Временного Сибирского правительства (ВСП). Хотя ключевую роль в ЗСК играли эсеры, тем не менее на стороне ЗСК «по факту» оказались все противники большевиков. Обстановка осложнялась тем, что политическая элита на местах, не дожидаясь указаний из центра, объявляли себя «уполномоченными сибирского правительства» [9, с. 69–70]. Вместе с тем во многих населенных пунктах активно действовало большевистское подполье, а реальная власть зачастую сосредотачивалась в руках военных (начальников военных гарнизонов, военных комендантov и т.д.). Не удивительно, что С. В. Сазанов всех противников большевиков скопом зачисляет в белогвардейцы, что вообще было весьма характерно для того времени.

⁹ Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — российский военный деятель, учёный. После Октябрьской революции один из ключевых лидеров Белого движения: установил в Сибири военную диктатуру и принял титул Верховного правителя в Омске (ноябрь 1918 г.–январь 1920 г.). После поражения своих армий в Сибири эвакуировался из Омска в направлении Иркутска. Расстрелян по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

В представленном эпизоде Сазанов явно путает антибольшевистские правительства, образовавшиеся в Сибири после мятежа Чехословацкого корпуса (и имевшие самый разнообразный политический состав), и диктатуру Колчака (установившуюся 18 ноября 1918 г.). Но, как уже было отмечено, реальная власть на местах зачастую сосредотачивалась в руках военных, так что разница в положении дел до официального утверждения А. В. Колчака и после была несущественная.

¹⁰ Согласно статистическому справочнику 1911 г., село Верх-Ануйское было волостным центром, находилось в 65 верстах до Бийска, имело 730 дворов, 2287 душ мужского пола, 2386 душ женского пола, 23801 дес. земли, 2 церкви, церковно-приходскую школу, сельское училище, 2 ярмарки, еженедельный базар, 2 хлебозапасных магазина, артельный маслодельный завод, 5 маслодельных заводов, 4 мануфактурные лавки, волостноеправление, почтовое отделение и телефонную станцию [10, с. 286–287].

¹¹ Исполу, т.е. отдавая половину урожая собственнику обрабатываемой земли.

¹² В обработку, т.е. отрабатывая за полученный участок собственнику земли.

¹³ Займка — поселение (обычно однодворное) и земельный участок, занятые кем-либо по праву первого владения.

¹⁴ В данном эпизоде Сазанов снова не различает антибольшевистские правительства Сибири лета 1918 г. и диктатуру Колчака. На Горном Алтае еще весной 1918 г. шло противостояние между большевиками (в лице Бийского совдепа) и Каракорумской управой (представлявшей из себя националистическое кадетско-эсеровское правительство). В ходе Чехословацкого мятежа в Каракоруме был образован воен-

но-революционный комитет, а в июне 1918 г. Каракорумская управа объявила о своём подчинении Временному Сибирскому правительству и распуске Советов на территории округа. Далее последовала вооруженная борьба между противниками и сторонниками советской власти, 20 июня 1918 г. антибольшевистские силы заняли Бийск, который был без боя сдан местным Советом. Примечательно, что в советской историографии смена власти трактовалась как «установление колчаковского режима/диктатуры», хотя реально это произошло только в ноябре 1918 г. Тем не менее в Бийске и Бийском уезде еще в июне 1918 г. стали складываться подпольные большевистские отряды, борьба с ними вызвала массовый террор с обеих сторон, а 15 июля 1918 г. было объявлено военное положение [11, с. 41; 12].

¹⁵ Возможно, имеется в виду Дроздов Петр Тимофеевич (1894–?), уроженец Тверской губернии, капитан 8-го Бийского полка.

¹⁶ Ряд исследователей отмечают, что именно действия колчаковской милиции вызвали эскалацию жестокости и насилия; причем среди причин злоупотреблений милиции называется, в том числе, недостаток финансирования [13, с. 167–168, 179; 14, с. 13–14].

¹⁷ Село Усть-Чарышская Пристань, Пристаньская волость Бийского уезда Томской губернии.

¹⁸ Село Большая Смоленка Бийского уезда Томской губернии.

¹⁹ Как отмечается многими исследованиями [15–17], деятельность карательных отрядов (командиры которых зачастую только формально подчинялись местным властям) вызвала резкий протест населения, а факты зверств карателей активно использовались в пропаганде большевиков против Колчака. И. В. Курышев, исследуя периодическую печать 1919 г., отдельно отмечает, что в поведенческой деятельности сибирских партизан в Гражданскую войну превалировали мотивы ненависти, мести, стремления к свободе и независимости, а антиколчаковские манифестации, которые активно проводились и собирали большое количество участников, служили своеобразным картисом [14, с. 11–12]. А. Г. Гордеев отмечает, что ситуация с крестьянскими партизанами на Алтае к августу 1919 г. «стала критической», причем главную роль в этом сыграли как раз «бесчинства милиции и карательных отрядов» [13, с. 179].

²⁰ Село Малая Смоленка Бийского уезда Томской губернии.

²¹ Поскольку Сазанов не указывает имя и возраст Серебрянникова, а также использует разные варианты написания фамилии Серебрянникова (Серебрянников, Серебрянов, Серебренников, Серебренников) идентифицировать его по спискам участников Белого движения не представляется возможным.

²² Имеется в виду волостное правление — орган крестьянского самоуправления на уровне волости, введенный в России реформой 1861 г., а в Сибири — после Февральской революции 1917 г. Сазанов называет его то «правлением», то «комитетом», но ясно видно, что слово «комитет» ему привычнее. Впрочем, путаница в названиях органов местного самоуправления вообще была характерна для крестьян того времени, что отмечает, в частности, А. Г. Гордеев [13, с. 170–171].

²³ Поскотина — пастище, выгон.

²⁴ Имеется в виду казачья станица, поселок Терский Бийского уезда Томской губернии.

²⁵ Поражает, каким образом автор сумел разрешить проблему с карательным отрядом. Аргументация, что казаки просто перепьются и будут перебиты мужиками (которых больше), оказалась неотразимой.

²⁶ Еще один очень показательный аргумент. Члены волостного правления не могут быть большевиками, потому что они зажиточные крестьяне.

²⁷ Стэк — кожаная короткая плетка.

²⁸ Еще один поразительный эпизод из повседневности Гражданской войны. В столкновении с командиром каратель-

ного отряда автор выходит победителем. При этом понимаешь, что все могло обернуться совсем по-другому.

²⁹ Быстрый Исток, см. комментарий 4.

³⁰ Увал — холм с пологими склонами.

³¹ Село Паутовское Паутовской волости Бийского уезда Томской губернии.

³² В данном эпизоде интересно, что местные дружинники отказываются выдать автора и его товарищей, арестованных по обвинению в большевизме, колчаковской контрразведке. То есть явно «личные связи» оказываются сильнее идеологических различий.

³³ В августе-октябре 1919 г. партизанские отряды Алтая успешно громили части Колчака, что отразилось на общей социально-политической обстановке в крае.

³⁴ Унгерн фон Штернберг Роман Федорович (1885–1921), военный деятель. После Октябрьской революции служил под началом Г. М. Семенова, который в 1919 г. произвел его в генерал-лейтенанты. Унгерн отличался патологической жестокостью и приобрел известность не как полководец, а как каратель и палач. В 1920 г. перешел монгольскую границу и в феврале 1921 г. захватил Ургу, став фактическим диктатором Монголии. Был разгромлен частями РККА, попал в плен к красным и расстрелян.

³⁵ Перечислены казачьи станицы Бийского уезда Томской губернии.

³⁶ В ноябре-декабре 1919 г. от колчаковцев были освобождены ключевые пункты Алтайского края, 13 декабря 1919 г. власть в губернии перешла к Алтайскому губернскому революционному комитету. Бийск был занят сначала партизанскими отрядами, 18 декабря 1919 г. в него вошли части РККА, однако окончательно советская власть укрепилась в городе с января 1920 г.

³⁷ Имеются в виду село Верх-Ануйское, станица Тырышкина, село Сычевское село Паутовское, деревня Николаевка Бийского уезда Томской губернии.

³⁸ Сельревком — сельский революционный комитет; сельревкомы выступали в качестве основных органов Советской власти на селе.

³⁹ Нардом — народный дом, учреждение культуры.

Библиографический список

1. Голдин В. И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 758–774. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.314.

2. От Тифлиса до Маньчжурии (краткая биография Сазанова Сергея Васильевича) // Актуальные вопросы истории российской провинции: сб. науч. ст. / Под ред. С. В. Кущенко. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. С. 122–142.

3. Воробьева Э. А. Восстание в Ташкенте в октябре 1917 г. по воспоминаниям С. В. Сазанова // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 3. С. 56–63. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-3-56-63.

4. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 1. От Великой войны к Гражданской войне в России / Ред. кол.: В. И. Голдин [(глав. ред.) и др.]. Архангельск, 2014. 140 с.

5. Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. Москва: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2018. 864 с.

6. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В. В. Калаш-

ников; под ред. Д. Н. Меньшикова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. 408 с.

7. Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / Отв. ред. Д. Б. Павлов. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 608 с.

8. Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.

9. Сенявская Е. С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический Вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.

10. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Издание Томского Губернского статистического комитета. Томск, 1911. 602 с.

11. Козлова Д. С. Трансформация органов власти и управления в Томской губернии в период революции и Гражданской войны (1917–1919 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 67–73. DOI: 10.17223/15617793/399/12.

12. Гордеев А. Г. Деятельность Бийской Городской думы в период с июня 1918 по декабрь 1919 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 39–43. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-39-43.

13. Гордеев А. Г. Органы местного самоуправления как инструмент реализации внутренней политики антибольшевистских режимов на территории Алтайской губернии (июнь 1918–декабрь 1919 г.): дис. ... канд. ист. наук. Бийск, 2019. 236 с.

14. Курышев И. В. Печать о социально-психологическом облике участников партизанского движения в Западной Сибири (весна–осень 1919 г.). // Национальные приоритеты России. 2013. № 1 (8). С. 8–17.

15. Исаев В. В. Казачество Бийской линии в революции и Гражданской войне: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 21 с.

16. История Горного Алтая. 1900–1945 гг. / Под ред. Н. М. Екебовой, Н. Ф. Иванцовой. Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. 223 с.

17. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов (1917–1920 гг.) / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.

ВОРОБЬЕВА Эвелина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск.

SPIN-код: 6375-9505

AuthorID (РИНЦ): 620722

ORCID: 0000-0002-3040-0350

ResearcherID: J-1757-2016

Адрес для переписки: tinva@yandex.ru

Для цитирования

Воробьева Э. А. Гражданская война на Алтае в воспоминаниях С. В. Сазанова// Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 50–59. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-50-59.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023 г.

© Э. А. Воробьева

CIVIL WAR IN ALTAY ACCORDING TO MEMOIRS OF S. V. SAZANOV

The episodes proposed in the article from the memoirs of Sergei Vasilievich Sazanov refer to 1918–1921 and cover the details of Sazanov's life in Altai during the Civil War. The presented «ego-document» reveals the everyday life of the Civil War, given through the prism of perception of an ordinary participant in the events, in this case, a peasant-otkhodnik of the Tambov province. The memoirs of S. V. Sazanov are valuable as they show the transformation of an ordinary, civilian person in the conditions of hostilities. The choice of one of the opposing sides (mostly forced), the manifestation of human qualities in extreme circumstances, the interweaving of domestic, everyday (work for the family) and emergency (the arrival of a punitive force, the threat of execution, etc.) are the content of the presented episodes from the memoirs. It makes these materials a valuable historical source, and publication can help in developing layers of historical problems that were previously ignored by historiography. The publication of memoirs is preceded by an introductory article, which presents a brief biography of S. V. Sazanov and reveals the value of memoirs for military anthropology.

Keywords: Civil War, military anthropology, White movement, partisanship, ego-documents, memoirs.

References

1. Goldin V. I. Grazhdanskaya voyna v istorii Rossii: istoriografiya, sovremennye podkhody, podgotovka novogo akademicheskogo izdaniya [The Civil War in the history of Russia: historiography, modern approaches, conception, new edition] // Noveishaya Iстория Rossii. Modern History of Russia. 2019. Vol. 9, no. 3. P. 758–774. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.314. (In Russ.).
2. Ot Tiflisa do Man'chzhurii (kratkaya biografiya Sazanova Sergeya Vasil'evicha, 2011). [From Tiflis to Manchuria (short biography of Sergei Vasilyevich Sazanov)] // Aktual'nye voprosy istorii rossiiskoi provintsii. Aktual'nye Voprosy Istorii Rossiiskoi Provintsii / Ed. by S. V. Kushchenko. Novosibirsk, 2011. P. 122–142. (In Russ.).
3. Vorobyeva E. A. Vosstanie v Tashkente v oktyabre 1917 g. po vospominaniyam S. V. Sazanova [Uprising in Tashkent in October 1917 according to memoirs of S. V. Sazanov] // Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Iстория. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2021. Vol. 6, no. 3. P. 56–63. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-3-56-63. (In Russ.).
4. Al'manakh Assotsiatsii issledovatelei Grazhdanskoi voiny v Rossii (2014). Vyp. 1. Ot Velikoi voiny k Grazhdanskoi voine v Rossii [Almanac of the Association of Researchers of the Civil War in Russia. Issue 1. From the Great War to the Russian Civil War] / Ed. Staff: V. I. Goldin [(Chiev ed.) et al.]. Arkhangelsk. 2014. 140 p. (In Russ.).
5. Ganin A. V. Sem' «pochemu» rossiiskoi Grazhdanskoi voiny [Seven «why» of the Russian Civil War]. Moscow, 2018. 864 p. (In Russ.).
6. Grazhdanskaya voyna v Rossii: vzglyad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii (2018) [Russian Civil war: a look through the years. Problems of history and historiography] / Resp. ed. V. V. Kalashnikov; ed. by D. N. Men'shikova. Saint Petersburg, 2018. 407 p. (In Russ.).
7. Rossiya v gody Grazhdanskoi voiny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii [Russia during the Civil War, 1917–1922: essays on history and historiography] // Resp. ed. D. B. Pavlov. Moscow; Saint Petersburg, 2018. 608 p. (In Russ.).
8. Gladyshev A. V. Antropologicheskiy poverot v voennoy istorii [The anthropological turn in military history] // Dialog so vremenem. Dialogue with Time. 2017. No. 59. P. 136–150.
9. Senyavskaya E. S. Chelovek na voine, ili ternistiy put' ot voennoy istorii k voennoy antropologii [Man at war. The thorny path from military history to military anthropology] // Istoricheskiy Vestnik. Historical Reporter. 2018. Vol. 24. P. 10–43.
10. Spisok naselennykh mest Tomskoi gubernii na 1911 god. Izdatie Tomskogo Gubernskogo statisticheskogo komiteta (1911) [List of populated areas of Tomsk province in 1911]. Tomsk, 1911. 602 p. (In Russ.).
11. Kozlova D. S. Transformatsiya organov vlasti i upravleniya v Tomskoi gubernii v period revolyutsii i Grazhdanskoi voiny (1917–1919 gg.) [Transformation of public authorities and administration in Tomsk province during the revolution and the Civil war (1917–1919)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal. 2015. No. 399. P. 67–73. DOI: 10.17223/15617793/399/12. (In Russ.).
12. Gordeev A. G. Deyatel'nost' Biiskoi Gorodskoi dumy v period s iyunya 1918 po dekabr' 1919 gg. [Activities of the Biysk City Duma in June 1918 – December 1919] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. The Bulletin of Kemerovo State University. 2017. No. 3. P. 39–43. (In Russ.).
13. Gordeev A. G. Organy mestnogo samoupravleniya kak instrument realizatsii vnutrennei politiki antibol'shevistskikh rezhimov na territorii Altaiskoi gubernii (iyun' 1918–dekabr' 1919 g.) [Local self-government bodies as a tool for implementing the internal policy of the anti-Bolshevik regimes in the territory of the Altai province (June 1918 – December 1919)]. Biisk, 2019. 236 p. (In Russ.).
14. Kuryshev I. V. Pechat' o sotsial'no-psichologicheskym oblike uchastnikov partizanskogo dvizheniya v Zapadnoi Sibiri (vesna–osen' 1919 g.) [Press about the socio-psychological appearance of the participants in the partisan movement in Western Siberia (spring–autumn 1919)] // Natsional'nye

prioritet Rossi. *National priorities of Russia*. 2013. No. 1 (8). P. 8–17. (In Russ.).

15. Isaev V. V. Kazachestvo Biiskoi linii v revolyutsii i Grazhdanskoi voine [Cossacks of the Biysk Line in the Revolution and the Civil War]. Barnaul, 2004. 21 p. (In Russ.).

16. Istoriya Gornogo Altaya. 1900–1945 gg. [Gorny Altai history. 1900–1945] / Ed. by N. M. Ekeevoi, N. F. Ivantsovoi. Biisk, 2000. 223 p. (In Russ.).

17. Shilovskii M. V. Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov (1917–1920 gg.) [Political processes in Siberia during social cataclysms (1917–1920 gg.)]. / Resp. ed. V. A. Lamin. Novosibirsk, 2003. 428 p. (In Russ.).

VOROBYEVA Evelina Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Political Science Department, Novosibirsk State

Technical University, Novosibirsk.

SPIN-code: 6375-9505

AuthorID (RSCI): 620722

ORCID: 0000-0002-3040-0350

ResearcherID: J-1757-2016

Correspondence address: tinva@yandex.ru

For citations

Vorobyeva E. A. Civil war in Altay according to memoirs of S. V. Sazanov // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 50–59. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-50-59.

Received March 10, 2023.

© E. A. Vorobyeva